

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОЗЕРО

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЧИНЯТ МИРЫ

Sever K

Зеркальное Озеро

«Автор»

2026

K S.

Зеркальное Озеро / S. K — «Автор», 2026

Четырнадцатилетний Демьян всегда чувствовал, что в мире есть нота, которая должна звучать — и молчит. После смерти бабушки он узнаёт правду: мир устроен слоями, у каждого человека внутри — невидимый Замок, а Ключ отпирает его потенциал. У всех есть Ключ. У Демьяна — нет. Его Замок всегда открыт: он не дыра и не ошибка, а комната, куда может войти что угодно. И только он способен не открыть и не закрыть, а починить Замок. Вместе с Ладой — девочкой со сломанным Ключом, которая видит чужие тени, — Демьян попадает в Цитадель посреди зеркального озера. Там пять Орденов делят власть, а судьба мира висит на выборе: открыть седьмой слой или запечатать навсегда. Но Демьян идёт третьим путём — тем, которому его научила бабушка: не тянуть, не давить, а позволить. И просто постучать. «Зеркальное озеро» — история о том, как починить мир, не ломая его.

© K S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День, когда замки не открылись	6
Глава 2. Человек в сером	10
Глава 3. Цитадель	13
Глава 4. Первые дни	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Sever K Зеркальное Озеро

БЕЗ КЛЮЧА

Книга первая: Последний Замок

• • •

Глава 1. День, когда замки не открылись

Демьян Сорокин проснулся за минуту до того, как умерла бабушка.

Он не знал, что она умирает. Он знал только, что проснулся не сам — его разбудило что-то. Не звук, не свет, не скрип половицы. Что-то среднее — как будто кто-то назвал его имя, но без слов, без голоса, изнутри. Как щелчок в пустой комнате: не слышишь, а чувствуешь, что что-то поменялось. Как когда выключают холодильник — и ты просыпаешься не от шума, а от его отсутствия.

Демьян сел на кровати. Три часа ночи. За окном — ноябрьский Екатеринбург, серый, мокрый, с сыплющим снегом, который не ложился на асфальт, а стирался в него, как мел с доски. Фонарь на углу Вайнера мигал — третий месяц уже, никто не чинил. Капли стучали по карнизу — без мелодии, без ритма, просто стучали, как сосед, который хочет войти и не решается постучать.

Квартира на Вайнера, трёхкомнатная, тёплая. Запах — валерьянки и старых книг. Бабушкиных книг: они стояли на полках, в шкафу, на подоконнике, на полу, на кухне между банками с крупой. Бабушка читала всё романы, стихи, учебники по геологии, кулинарные книги на французском, которые покупала в букинисте на Малышева и не понимала, но говорила: «Язык нужно держать в форме, Дёма, как спину. Разгибать каждый день, иначе скукожишься».

Демьян любил этот запах. Валерьянка, книги, бабушкин шампунь «Яблоневый цвет» — двадцать рублей в аптеке на Ленина, в розовом флаконе с яблоком на этикетке. Запах дома. Не квартиры — дома. Разницу Демьян понял только сейчас, когда дома не стало.

Бабушка спала в дальней комнате. Демьян подошёл — босиком, по ледяному паркету, ёжась, и увидел, что бабушка лежит с открытыми глазами. Она смотрела в потолок. Губы шевелились.

— Бабушка?

Она не ответила. Губы двигались беззвучно, будто она говорила с кем-то, кого Демьян не видел. Может, с дедушкой — дедушка умер, когда Демьяну было два, и бабушка иногда говорила с ним по вечерам, тихо, на кухне, когда думала, что Демьян не слышит. «Коля, я борщ переварила. Коля, Дёма двойку по алгебре получил. Коля, мне бы тебя на час». Но сейчас не вечер. Три часа ночи. И бабушка говорила не с дедушкой. Она говорила — с тишиной. Потом она медленно повернула голову и посмотрела на него. Глаза — ясные. Не мутные, не больные. Ясные, как утром, когда просыпалась и сразу — не потягиваясь, не зевая шла на кухню варить кофе. Кофе она варила в турке, медной, бабушкиной, с отколотой ручкой, и пила из чашки с трещиной, которую склеила скотчем, потому что «выбрасывать — грех, работает же».

— Ты слышишь? — прошептала она. Не «ты пришёл», не «милый мой мальчик». «Ты слышишь?»

— Что?

— Замки. Ты слышишь замки?

Демьян прислушался. Тишина. Тиканье часов на кухне — старых, настенных, с маятником, которые бабушка заводила каждое утро, поворачивая ключик, и Демьян подумал: ключик. Маленький, латунный, на цепочке. Она носила его на шее, под халатом. Демьян видел цепочку, когда бабушка наклонялась над плитой. Думал — крестик. Нет — ключик. Часы тикали. Холодильник гудел. Капли стучали по карнизу. Далёкое гудение города — Екатеринбург не спит, никогда не спит, даже в три ночи. Но замков — не было.

— Нет.

Бабушка закрыла глаза. Улыбнулась — тонко, грустно, одними уголками губ. Так улыбалась, когда Демьян спрашивал, где папа, и она не хотела отвечать. Так улыбалась, когда он

спрашивал, почему у них нет машины. Так улыбалась, когда понимала, что ответ будет труднее вопроса.

— Хорошо, — сказала она. — Не слушай.

И умерла.

Демьяну было четырнадцать лет. Он стоял в ночной рубашке рядом с кроватью, смотрел, как бабушкина рука медленно соскальзывает с одеяла, и думал: надо позвонить. Кому? Скорую? Она уже не дышит. Полицию. Кому звонят, когда человек умер? В кино — звонят кому-то. В кино — всегда кто-то есть. Жена, муж, друг, сосед. У Демьяна — никого. Мать умерла, когда ему было три. Он не помнил её только запах каких-то духов, которых, может, и не существовало, может, придумал, потому что нужно же что-то помнить. Отец — прочерк в свидетельстве. Бабушка — последнее. Кто остался? Соседка тётя Валя, которая приносила пирожки с капустой и спрашивала: «Ну как дела в школе?» Тётя Валя не для этого. Тётя Валя — для пирожков.

Он не заплакал. Не сразу. Сначала он вышел на кухню, налил себе воды из-под крана — холодной, екатеринбургской, с привкусом железа, выпил, поставил стакан. Стакан звякнул о столешницу. Маленький, глупый, бытовой звук. И этот звук — сломал. Ноги подкосились. Демьян сел на пол, привалившись к холодильнику, и заплакал. Тихо, без всхлипов, как умеют только дети, которые не хотят, чтобы их услышали, потому что слышать — значит жалеть, а жалеть — значит признать, что случилось что-то, чего нельзя исправить.

Холодильник гудел за спиной. Ровно, спокойно, как ни в чём не бывало. Часы тикали. Капли стучали. Мир — не заметил.

• • •

Опека оформилась быстро потому что некуда было оформляться. Тётя Валя, та самая, с пирожками, оказалась двоюродной сестрой бабушки и взяла временную опеку. «Временную» — потому что она была старая, больная, и все, включая Демьяна, знали, что «временная» значит «пока не решится, что делать дальше».

Демьян жил у тёти Вали две недели. Спал на диване, который пах кошками — у тёти Вали было три кошки, все рыжие, все звали Муся, потому что тётя Валя не различала кошек, а имена путала. Ел пирожки с капустой — каждый день, потому что тётя Валя не умела готовить ничего другого. Ходил в школу — школа №56, на Московской, шестой этаж, окна на кирпичный завод. Сидел на уроках, не слышал ни слова. Учительница по истории, Тамара Петровна, спросила: «Сорокин, какой год основания Екатеринбурга?» Демьян ответил: «Какой?» — и класс засмеялся, а Демьян не засмеялся, и Тамара Петровна замолчала, потому что увидела его лицо и поняла. Она подошла после урока, положила руку на плечо и сказала: «Демьян, если нужно иди. Я пойму». Он кивнул и ушёл. Не из школы — из класса. Сел на подоконник в коридоре, смотрел на кирпичный завод и думал: бабушка тоже смотрела из окна. На этот же завод. Каждое утро. С чашкой кофе, с трещиной, заклеенной скотчем.

Через неделю после похорон Демьян вернулся в бабушкину квартиру. Тётя Валя дала ключи — связку, с брелоком в виде пластмассового яблока. Демьян открыл дверь. Квартира пахла валерьянкой и книгами. Шампуня «Яблоневый цвет» уже не было флакон стоял в ванной, пустой, без крышки. Запах держался, но слабый. Уходил. Как последнее дыхание, которое ещё чувствуешь в подушке, а потом — нет.

Демьян разбирал бабушкины вещи. Не потому что хотел — потому что надо. Тётя Валя сказала: «Разберись, что нужно, остальное выкинем». Демьян разбирал. Одежду в пакеты. Книги в коробки. Посуду на полки. Бабушкин платок, синий, в белый горошек, который она носила осенью, не выкинул.

Положил в рюкзак. Не знал зачем. Просто не мог выкинуть.

Маленький ключик от часов — латунный, на цепочке — нашёл на тумбочке у кровати. Бабушка сняла его, может, вчера, может, неделю назад. Цепочка — тонкая, потемневшая. Ключик — тёплый. Демьян повертел, положил в карман.

Рядом с платком.

И нашёл ящик.

• • •

Ящик стоял в дальнем углу шкафа, за зимними ботинками, за коробкой с ёлочными игрушками — бабушка хранила их круглый год, хотя ёлку не ставила, потому что «жалко выбрасывать, они память» — за стопкой старых календарей, которые она не выбрасывала, потому что «числа могут пригодиться».

Деревянный, старый, с медной ручкой, потемневшей от времени. Без видимого замка — без скважины, без щели, без задвижки. Просто ящик с крышкой, которая не открывалась.

Демьян тянул. Дёргал. Ковырял ножом — нож сломался, кончик остался в щели. Стучал молотком — молоток отскакивал. Ящик был как цельный кусок дерева, вырезанный в форме ящика. Не заперт — сросся. Как будто древесина решила, что крышка и корпус — одно.

Демьян поставил ящик обратно. Забыл. Нет — не забыл. Не смог. Три дня ходил мимо, трогал, пытался снова. Ничего. На четвёртый день разозлился — не капля, не искра, а волна, горячая, тупая, как кипяток, ударил по крышке ладонью и сказал:

— Откройся.

Ящик открылся.

Не щелчком — медленно, как зевок. Крышка поднялась, и из ящика пахло

— не деревом, не нафталином, не пылью. Металлом. Медь и что-то ещё, что Демьян не знал, тёплый, густой запах, как нагретый на солнце камень. Как старая монета, которую держали в руке. Как ключик от часов — только сильнее, гуще, живее.

Внутри медный ключ и письмо.

Ключ — тусклый, тяжёлый, с бородкой сложной формы, как у старинных сейфовых ключей. Лежал на куске бархата, выцветшего, красного. Металл тёплый — не от ящика, не от шкафа. Тёплый сам по себе. Как живой. Демьян взял его и ключ звякнул. Тихо, едва слышно. Как будто металлу было больно.

Или обидно.

Письмо — в конверте, без марки, без адреса. Просто «Демьян». Демьян, если ты читаешь это, значит, я была права, и ты — без ключа. Не пугайся.

Это не проклятие. Это редкость. Одна на миллион.

В мире есть Замки. Не те, что на дверях. Настоящие Замки — невидимые, запирающие то, что нельзя запереть обычным способом. Память. Силу. Талант. Судьбу. Каждый человек рождается с Ключом — невидимым, внутренним — и этот Ключ отпирает его потенциал. Большинство людей никогда не узнают об этом, потому что их Замки так и остаются закрытыми. Но некоторые — те, кто слышат Замки, становятся Стражами.* *Ты не слышишь. Ты — без Ключа. Это значит, что для тебя нет Замка, который мог бы тебя удержать. Ты пройдёшь через любой. Откроешь любой. Это страшно — и это нужно.

Медный ключ в ящике — не твой. Он мой. Я была Стражем. Последней в этом городе. Теперь тебя найдут другие. Не бойся. Но и не доверяй всем.

Бабушка.

P.S. Если найдёшь Замок, который не поддаётся, не тяни. Постучи.

Демьян перечитал письмо трижды. Четырежды. Пять раз. Слова не менялись. Замки. Ключи. Стражи. Бабушка — Страж. Бабушка — последняя в городе. Бабушка, которая варила борщ по средам и пятницам, читала на трёх языках, носила синий платок в белый горошек и покупала шампунь «Яблоневый цвет» в аптеке за двадцать рублей была Стражем.

Демьян вспомнил: бабушка никогда не запирала дверь. Никогда. Соседи запирали на два замка, на цепочку. Бабушка — нет. Дверь закрывалась, но не запиралась. Демьян спрашивал: «Бабушка, а вдруг вор?» Она отвечала: «Дёма, если кому надо войдёт. А кому не надо тому и замок не преграда». Он думал — чудачество. Теперь — нет. Бабушка не запирала дверь, потому что не могла. Или потому что не нуждалась. Замки не для Стражей.

И ещё вспомнил: бабушкина рука. Когда она трогала вещи — книгу, чашку, дверцу шкафа — она касалась легко, кончиками пальцев, на секунду. Как будто прислушивалась. Не к вещи — к чему-то внутри. Демьян думал — привычка.

Теперь — нет.

— Что за бред, — сказал Демьян вслух.

Ключ звякнул. Снова. Тихо, обиженно. Как будто возразил.

• • •

Глава 2. Человек в сером

Человек появился через два дня.

Демьян шёл из школы — с Московской, через перекрёсток Малышева — Вайнера, мимо «Пятёрочки», мимо цветочного киоска, мимо пельменной, куда бабушка иногда водила его, когда не хотела готовить, и вдруг заметил, что кто-то идёт за ним. Не преследует — именно идёт за. На расстоянии двадцати шагов, не ускоряя и не замедляя. В сером пальто, серой шляпе, с серым шарфом. Всё серое, как будто человека собрали из асфальта и ноябрьского неба. Из того, что под ногами и над головой. Из ничего. Демьян свернул в переулок — между домами, мимо мусорных баков, мимо граффити, мимо кота на подоконнике, спящего, рыжего, как бабушкин платок. Человек в сером свернул. Демьян ускорил — мимо арки, мимо двора с качелями, мимо детской площадки, где качели скрипели на ветру, и скрип был одинокий, как голос, который некому отвечать. Человек ускорил. Демьян побежал.

Бежал по Вайнера — мимо цветочного, мимо кофейни «Бариста», где бабушка иногда покупала ему какао, мимо пельменной. Человек в сером бежал за ним — не тяжело, не запыхавшись, а ровно, как метроном, с одной скоростью, не отставая и не приближаясь. Демьян свернул за угол, прижался к стене — кирпичной, шершавой, холодной сквозь куртку, и слушал. Своё дыхание — тяжёлое, рваное. Ветер. Капли. Шаги? Нет. Тишина.

Переулок пуст. Мокрый асфальт, мусорный бак, граффити — кто-то нарисовал сердце с крыльями, красное, полустёршееся, как надпись, которую забыли.

Человека — не было.

— Ищи, — сказал голос за спиной.

Демьян подпрыгнул. Обернулся. Человек в сером стоял за ним — в том же переулке, в том же месте, как будто не бежал, а просто ждал. Как будто стоял здесь всегда, а Демьян — пробежал мимо и вернулся. Лицо — нестрашное. Мужчина лет сорока, с короткой стрижкой, морщинами у глаз, как от привычки щуриться, и пятном от кофе на манжете. Обычное лицо. Усталое. Как у учителя физики, который не выспался и не успел постирать.

— Демьян Сорокин, — сказал он. — Четырнадцать лет. Бабушка — Анна Сорокина, Страж второго круга, ушла в отставку двадцать лет назад, умерла неделю назад. В ящике — ключ и письмо. Письмо прочитал. Ключ не использовал.

— Откуда вы...

— Потому что я Страж. — Человек снял шляпу. — Меня зовут Юрий Андреевич. Я из Цитадели. У нас мало времени. Пойдём, я объясню за пельмени.

• • •

В пельменной — той самой, куда бабушка водила Демьяна, с оранжевыми стенами и запахом теста и вареного мяса — Юрий Андреевич заказал пельмени со сметаной и чай. Демьян — чай. Сидел напротив, сжимал под столом медный ключ в кармане и ждал.

— Ешь, — сказал Юрий Андреевич. — Думать на голодный желудок — как бегать без одной ноги.

— Я не голоден.

— Ты не ел с утра. Я знаю. Ешь. Демьян заказал чай. Пить — мог. Есть — нет.

Желудок — камень.

— Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедший, — сказал Юрий Андреевич, макая пельмень в сметану. — Или что бабушка была сумасшедшей. Или что кто-то вас разыгрывает. Так вот: нет. Я не сумасшедший. Бабушка не была. И вас никто не разыгрывает. Замки — это не магия. Замки — это структура. Мир устроен слоями, как капуста. Слой первый — материальный. Этот стол, этот пельмень, этот чай, твои руки, мои руки — всё материальное. Слой второй — запёртый. В нём — то, что существует, но недоступно. Потенциал. Способности. Память,

которую не помнишь. Силу, которую не знаешь. Каждый человек рождается с Замком внутри и Ключом к нему. Ключ поворачивается — Замок открывается — человек получает то, что было заперто. У одних — талант к музыке. У других — способность видеть скрытое. У третьих — сила. Это не сверхъестественно. Это естественно, как мышца, которой не пользуешься, потому что не знаешь, что она есть.

— А я?

— У тебя нет Ключа.

— Я понял. Из бабушкиного письма.

— Ты не понял. — Юрий Андреевич отодвинул тарелку. — Без Ключа — не значит без Замка. У тебя Замок есть. У всех есть. Но твой Замок другой. Твой Замок не заперт.

— Что?

— У всех людей Замок заперт, и Ключ — внутри. У тебя Замок открыт. Всегда. Ты не можешь его закрыть. Ты — открытая дверь. Через тебя проходит всё, что другим недоступно.

Демьян подумал. Открытая дверь. Через которую проходит всё. Это звучало — как дыра. Как пробоина. Как то, что надо заклеить.

— И что проходит?

— Пока ничего. Но ты чувствуешь отсутствие. Ты когда-нибудь чувствовал, что что-то должно быть, а его нет? Как нота, которая должна звучать, а тишина?

Демьян вспомнил. Бабушкин вопрос: «Ты слышишь замки?» Он не слышал. И это отсутствие — не тишина, а ощущение, что что-то должно звучать и не звучит было с ним всю жизнь. Как фон. Как шум в ушах, только наоборот — шум отсутствия. Как когда в классе все замолкают разом, и ты чувствуешь — что-то должно быть, а нет. Как пауза, в которой должен быть звук, и его нет, и от этого — зудит.

— Да, — сказал он. — Это твой Замок. Открытый. Пустой. Ждущий. — Юрий Андреевич помолчал, посмотрел в окно. Ноябрьский Екатеринбург за стеклом — серый, мокрый, обычный. Люди шли, машины ехали, фонарь на углу мигал. Мир не знал. — Тебя найдут. Не я другие. И они не будут звать тебя в пельменную.

— Кто?

— Стражи. Но не все Стражи — добрые. Есть те, кто хочет использовать безключевых. Ты — инструмент. Редкий. Опасный. За тобой будут охотиться. — Он встал, положил деньги на стол за оба чая, за пельмени. — Завтра, в три, у памятника Татищеву. Не опаздывай. Возьми ключ бабушки.

— Зачем?

— Потому что бабушка была не просто Стражем. Бабушка была Хранительницей. А Хранительницы не хранят вещи. Они хранят Замки.

• • •

Демьян не спал. Лежал на диване у тёти Вали, который пах Мусей номер три, и думал. Замки. Ключи. Слои. Стражи. Бабушка — Страж. Бабушка — Хранительница. Бабушка, которая варила борщ, читала Бодлера в оригинале и носила ключик от часов на цепочке под халатом была Хранительницей Замков.

И ещё: «Не все Стражи — добрые». «За тобой будут охотиться». Зачем? Что в нём такого? Открытый Замок. Пустота. Дыра, через которую проходит всё. Кому нужна дыра?

Демьян повернулся на бок. В кармане — медный ключ. Тёплый. Горячий. Пульсирующий, как живой. И маленький ключик от часов — латунный, на цепочке. Бабушкин. Тоже тёплый. Два ключа в одном кармане. Один — от часов, которые тикали. Другой — от мира, который не тикал. Не звучал. Молчал.

Бабушка сказала: «Не слушай». Почему? Что было бы, если бы он услышал?

Что он услышал бы? Замки? Какие? Где? В стенах? В людях? В воздухе?

Демьян закрыл глаза. Прислушался. Тишина. Тётя Валя храпела в соседней комнате. Муся номер один мурлыкала на кухне. Капли за окном. Тишина.

И на самом дне тишины, на грани слышимого, как шёпот за стеной, как далёкий звон, как последний лепесток тишины — что-то. Не звук. Не отсутствие звука. Что-то среднее. Как пульс. Медленный, глубокий, как сердце земли. Демьян не слышал чувствовал. В костях, в зубах, в кончиках пальцев. Гул. Тихий.

Далёкий. Как будто где-то может, под домом, может, под городом, может, под миром — что-то билось. Что-то живое. Что-то огромное. И пустое место. В гуле — пауза. Пропуск. Как пропущенная нота в мелодии, которую ты не знаешь, но чувствуешь, где она должна быть. Демьян знал. Знал, где должна быть нота. И не слышал. Пустота.

Он открыл глаза. Три двадцать ночи. Капли стучали. Муся мурлыкала. Тётя Валя храпела.

Мир гудел. Демьян — не слышал.

• • •

Глава 3. Цитадель

Памятник Татищеву стоял на набережной — основатель города на коне, смотрящий на Исеть, на город, на серое небо. Демьян пришёл в три. Юрия Андреевича не было.

Был ветер. Мокрый, колючий, с реки. Демьян стоял, сунув руки в карманы, и сжимал медный ключ. Металл — теплее, чем должен. Теплее тела. Теплее, как будто внутри что-то живое, что дышит, и дыхание — тепло. Демьян думал о бабушке. Бабушка стояла здесь, может быть, двадцать лет назад. Может, с другим Стражем. Может, с тем же Юрием Андреевичем. Стояла и смотрела на Исеть, на город, на небо. И потом — ушла. Сюда, в другой мир. И вернулась. И жила — варила борщ, читала книги, носила синий платок. И никому не сказала.

Тётя Валя не знала. Мама — может, знала? Но мама умерла, когда Демьяну было три. Три года — мало. Не помнит. Только запах духов. Может «Яблоневый цвет»? Нет, другой. Густой, тёплый. Как мёд. Как... — Здравствуйте.

Демьян обернулся. Юрий Андреевич. Был не один.

С ним — девочка. Ровесница Демьяна, может чуть старше. Рыжая, с короткой стрижкой и лицом, на котором веснушки сидели так густо, будто кто-то стряхнул перечницу. Одетая не по погоде — лёгкая куртка, кеды, без шапки. Не мёрзла. Демьян мёрз — зуб на зуб не попадал, а она стояла — руки в карманах, ровно, как летом, как будто ноябрьский ветер — не про неё.

— Это Лада, — сказал Юрий Андреевич. — Она тоже идёт.

— Куда?

— В Цитадель. — Лада посмотрела на Демьяна. Не страх, не насторожённость. Любопытство. Как кошка, которая видит новый предмет. — Ты и правда без Ключа?

— А ты и правда рыжая?

Лада фыркнула. Не обиделась. Оценила. — Я тоже без... нет. Не так. У меня Ключ есть, но сломан. Мне сказали — полустраж. Замок открывается наполовину. Как дверь, которая застряла.

— И что ты можешь?

— Вижу Замки. У других. Как тени. Вокруг головы, вокруг рук. У тебя — нет. У тебя чисто. — Она прищурилась. — Первый раз вижу такого. Как пустое место.

Не обижайся.

— Не обиделся.

— Хватит, — сказал Юрий Андреевич. — Идём.

Он подошёл к ограждению набережной — чугунному, старому, с завитушками — и положил ладонь на один из завитков. Металл блеснул — не светом, а чем-то другим, как будто стал прозрачным на мгновение, как будто сквозь чугун проступило что-то, чего не было. Демьян увидел: на мгновение — всего на мгновение — завиток стал стеклянным, и за стеклом — не набережная, не река, не город. Что-то другое. Глубокое. Тёмно-синее. Со звёздами.

— Возьмите меня за руки.

Демьян и Лада переглянулись. Взялись. Рука Лады — тёплая. Не как у замёрзшего человека — тёплая изнутри, как печка. Демьян почувствовал: что-то в ней откликнулось на что-то в нём. Как два камня, которые стучатся друг о друга и звенят. Не больно — странно. Как будто он знал её руку. Не эту — другую, похожую. Может, бабушкину.

Ограждение повернулось. Чугунный завиток — на невидимой оси, медленно, тяжело — повернулся, как дверь. И за ним — за чугуном, за асфальтом, за ноябрьским Екатеринбургом открылся проём. Не туннель, не портал, не дыра. Просто проём. Как будто в мире была стена, а в стене — дверь, и дверь открыли. И за дверью — небо. Другое. Глубокое, тёмно-синее, со звёздами, которых не бывает днём, не бывает в ноябре, не бывает в Екатеринбурге. Звёзды — крупные, яркие, как капли молока на чёрном бархате.

— Быстро. Замок держится тридцать секунд.
Они шагнули.

Первое, что Демьян почувствовал — запах. Не екатеринбургский — не мокрый асфальт, не выхлоп, не кофе из «Баристы». Другой. Чистый, как в лесу, но с привкусом. Меловой, как запах старой книги, открытой впервые за сто лет. И тёплый. Не по погоде — по природе. Как будто само место было тёплым. Как будто воздух — грел.

Второе — звук. Тишина, но живая. Не мёртвая, не пустая. Густая, как вода в тёплой реке. Где-то далеко, на дне тишины — гул. Тот самый, который Демьян слышал ночью, на диване у тёти Вали. Пульс. Медленный, глубокий. Здесь громче. Ближе. Как будто он стоял в груди огромного зверя и слушал его сердце.

Третье — зрение. Цитадель стояла посреди озера. Не на берегу — посреди. Остров, поросший соснами — высокими, тёмными, с корой, пахнущей смолой и теплом. Каменные стены, башни, дворы. Вода — не вода. Зеркальная, неподвижная, отражала небо с точностью, от которой кружилась голова. Демьян посмотрел вниз — и увидел звёзды. Под ногами. В воде. И над головой. Одинаковые. Двойное небо, сверху и снизу, и между ними — остров, камень, дерево, подростки, которые не знали, во что ввязались.

Лада рядом не дрожала. Не потому что не мёрзла — потому что не могла. Её сломанный Ключ не давал. Полустраж не полный, но и не обычный. Как лампочка, которая горит вполнакала. Демьян дрожал. Он был обычный.

Холодный, мокрый, четырнадцатилетний. И без Ключа.

— Где мы? — спросил он.

— Между первым и вторым слоем. Цитадель стоит на границе. Сюда можно войти и отсюда можно выйти — но только через Замок. — Юрий Андреевич показал на ворота — каменные, тяжёлые, с медной вставкой в центре, покрытой символами. Символы двигались — медленно, как тени облаков. Демьян не мог их разобрать, но чувствовал. Как запах, как звук, как тепло — символы были не для глаз. Для чего-то другого. — Это Главный Замок. Его нельзя открыть Ключом.

Только присутствием. Нужен кто-то без Ключа и кто-то со сломанным. Вместе.

— Почему? — спросила Лада.

— Замок читает не Ключ. Замок читает отсутствие. Открытый Замок и сломанный Ключ — два типа пустоты. Замок узнаёт эту пустоту и открывается.

Демьян почувствовал холодок — не от ветра. От понимания. Его привели сюда не потому, что он особенный. Потому что он отмычка.

Ворота открылись. Медленно, тяжело, со звуком, который Демьян почувствовал грудью — низкий, глубокий, как колокол внутри камня. Гул прошёл сквозь тело — и Демьян на секунду, на одну секунду, услышал. Не замки. Что-то другое. Пульс — огромный, медленный, как сердце земли. И отсутствие. Пустое место, где должен был быть ещё один удар, а его не было. Как пропуск в мелодии. Демьян знал, где должна была быть нота. И не слышал.

Потом — тишина. И двор.

Камень, сосны, фонари на столбах, горящие не огнём — чем-то мягким, голубоватым, как лунный свет, но ярче. Подростки — от тринадцати до семнадцати, в тёмных куртках с нашивками. Пять цветов: красная, синяя, зелёная, белая, чёрная. — Ордены, объяснил Юрий Андреевич. — Пять Орденів Цитадели. Красные — боевые Замки. Силу, скорость, рефлексy. Синие — Замки памяти. Архивисты, хранят историю слоёв. Зелёные — Замки природы. Следопыты, чувствуют слои через землю, воду, ветер. Белые — Замки разума.

Аналитики, стратеги. Чёрные — замки теней. Шептуны, открывают скрытое.

Чёрных боятся. Но без них Цитадель не выжила бы.

— А мы в какой? — спросила Лада.

— Ни в какой. Вы неопределённые. Пока.

— Пока до чего?

— Пока не откроете свой первый Замок. Или пока ваш Замок не откроет вас.

Демьяна поселили на третьем этаже. Цитадель оказалась большой. Три яруса вверх — жилые. Каменные комнаты, тёплые, с окнами на озеро. Два яруса вниз — занятия, тренировочные залы. Нижний — склады, мастерские, библиотека. Ещё ниже куда не пускали. Юрий Андреевич сказал: «Нижние ярусы не для первокурсников. Когда-нибудь, покажу. Не сейчас».

Комната — каменная, тёплая, с окном на зеркальное озеро. Стены — шершавые, голубоватые, как фонари во дворе. Демьян тронул стену — тёплая. Не от печки — от камня. Камень гудел. Тихо, на грани слышимого, как провод под током. Демьян отдернул руку — и понял, что гул не прекратился. Он чувствовал его без прикосновения. Стена гудела, пол гудел, потолок гудел. Вся Цитадель гудела — как огромное тело, живое, тёплое, медленное.

Сосед — Марат. Темноволосый, жилистый, с нашивкой Красного. Лежал на кровати, закинув руки за голову, и смотрел в потолок.

— Марат, — сказал он. — Третий год. Красный. А ты?

— Демьян. Без Ключа.

Марат сел.

— Без Ключа? Серьёзно? Я думал, сказки. Нам говорили — в Цитадели был безключевой сто лет назад. Открыл Главный Замок. И исчез. Прошёл через все слои и не вернулся. Байки. Старшекурсники пугают.

— Сколько слоёв?

— Семь. Первый — наш. Второй — Цитадель. Третий и дальше — закрыты.

Седьмой — заперт. Главное правило: не открывай седьмой. Никогда.

— Почему? — Тот безключевой пытался. Цитадель чуть не рухнула. Все Замки открылись разом. Триста Стражей — каждый потерял контроль на минуту.

Четверо погибли.

Марат помолчал. Потом — тише:

— Слушай, не парься. Это байки. Ты не он. Он сто лет назад. Ты сейчас.

Просто учись. Найдёшь свой путь. — Он лёг обратно. — Утром линейка в шесть.

Не опаздывай. Тренер — зверь. Бьёт больно. Замком, не руками.

— Замком?

— Красные — через Замок силы. Ускорение, выносливость. Тренер — бывший Красный, первый круг. Замок открыт на три четверти. Для него мы как мухи.

Марат зевнул, свернулся калачиком — как кошка, быстро, мгновенно — и уснул. Демьян лежал в темноте, слушал, как тикают часы на стене (обычные, с маятником, как у бабушки), как гудит камень, как что-то не звук, не голос, а отсутствие — гудит внутри. Его Замок. Открытый. Пустой. Ждущий.

Он сжал медный ключ. Тёплый. Горячий. Как живой. И маленький ключик от часов, на цепочке. Бабушкин. Тоже тёплый. Два ключа. Один — от мира, который гудел. Другой — от часов, которые тикали. Бабушка носила оба. И молчала.

Думал о бабушке. Бабушка знала об этом. О Замках, о Стражах, о слоях. Знала — и молчала. Почему? Потому что боялась? Или потому что нельзя? «Не слушай», — сказала она. Не «не ходи», не «не открывай». «Не слушай». Почему?

Что было бы, если бы он услышал?

Демьян заснул — и не видел снов. Только тишину. Густую, тёплую, как вода в тёплой реке. И на дне — гул. Далёкий. Как сердце огромного зверя, который спал под миром и видел сны, в которых не было Демьяна.

Глава 4. Первые дни

Утро в Цитадели начиналось не с будильника — с гула.

Демьян проснулся за минуту до шести, потому что камень под ногами, в стенах, в потолке вздрогнул. Не сильно — как вздрагивает человек во сне, когда снится падение. Гул, который всю ночь был тихим и далёким, стал громче, как будто огромное сердце под островом ударило сильнее. И смолкло. Тишина. Потом — снова. Снова тишина. Ритм. Как маятник в бабушкиных часах: тик-тик, тик-тик. Только вместо тика — гул-тишина, гул-тишина.

Марат уже не спал. Стоял у окна, натягивая тренировочные штаны — чёрные, с красной нашивкой на бедре. Двигался быстро, точно, без лишних движений. Красный. Три года. Тело — привычное. — Вставай, — сказал он, не оборачиваясь.

— Линейка в шесть. Опоздаешь тренер заставит бегать круг по озеру. По воде.

Замком.

— По воде?

— Красные могут. Замок силы если открыт достаточно держит на поверхности. Как лыжи. Только лыжи — деревянные, а Замок из тебя. — Он обернулся. — Ты не Красный. Ты вообще никто. Тебе не повезёт. Вставай.

Демьян встал. Ноги — холодные, каменный пол — ледяной, несмотря на гудящее тепло стен. В комнате было два окна: одно — на озеро, другое — на внутренний двор. Из двора — свет. Голубоватый, мягкий, как рассвет, но другой. Не солнечный. Цитадельский. Фонари — гасли, и на их место приходил свет, который шёл не от солнца, а от камня. Камень — светился. Тускло, едва заметно, как старый фосфор. Демьян не сразу понял: камень не излучал свет — он пропускал его. Изнутри. Из глубины. От того самого гула, который бился под островом, как сердце.

Демьян оделся. Джинсы, свитер, куртка — обычные, екатеринбургские. Среди тёмных курток с нашивками он выглядел — как гражданский среди военных. Не униформа — свой. Чужой.

• • •

Линейка — на южном дворе. Каменные плиты, сосны, фонари ещё горящие, но уже тусклые, теряющие силу на рассвете. Двадцать первокурсников стояли в две шеренги. Пять Орденов, по четыре человека. Плюс Демьян и Лада без нашивок, в конце строя, как приставленные ноги. Лада стояла рядом — рыжая, веснушчатая, в кедах. Не мёрзла. Демьян — мёрз. Ветер с озера — мокрый, колющий, как иглы. Не ноябрьский — здесь не было ноября. Здесь было всегда.

Одно время. Не зима, не осень. Между.

Тренер — Олег Николаевич, бывший Красный, первый круг. Здоровый, как шкаф, с хрипотцой, как будто глотал гвозди. Лицо — кирпичное, квадратное, с шрамом на скуле — старым, белым, как нитка на тёмной ткани.

— Бег, — сказал он. Одно слово. Этого было достаточно.

Бег — по периметру острова. Каменная дорожка, петляющая между соснами, мимо башен, мимо ворот, мимо берега, где зеркальное озеро отражало звёзды, которые ещё не погасли. Демьян бежал последним. Всегда. Ноги не те, дыхание не то. Четырнадцать лет за партой, не на стадионе. Мокрый снег в Екатеринбурге — не тренировка. Физкультура — два раза в неделю, и то когда не отменяли.

Глеб бежал первым. Красный, первый год, Замок силы уже наполовину открыт, и Глеб бежал легко, как будто земля отталкивала его, как будто гравитация не для него. Ноги — длинные, шаг — мощный, дыхание — ровное. Он не запыхался. Не устал. Бежал как машина. За Глебом остальные Красные. За Красными — Зелёные, босиком, всегда босиком, даже на камне.

Не мёрзли. Или мёрзли, но не замечали. Зелёные чувствовали слои через землю, и земля грела их. Не теплом — чем-то другим. Глубинным. Камень под ногами отвечал им. Демьян видел: босые ноги на камне, и при каждом шаге — рябь. Не в камне — в воздухе. Тёплая, как отражение в воде.

За Зелёными — Синие, с тетрадами. Да, с тетрадами. На бегу. Они бежали и писали. Не оглядываясь, не спотыкаясь — писали. Демьян не понимал, что они писали, но бежали и писали, и это было странно и немного жутко.

За Синими — Белые. Ровно. Аккуратно. Одинаково. Как метроном. Ноги поднимались на одну высоту, руки двигались синхронно. Белые не бегали — они присутствовали на беговой дорожке.

Чёрных было двое: Игнат и Сона. Бежали последними перед Демьяном. Медленно, не торопясь. Тени за ними. Не обычные тени от фонарей — другие.

Демьян не видел, но чувствовал: тени Игната и Соны — двигались. Не следовали — двигались. Как живые. Как вторые тела.

Демьян всегда плёлся последним, отдельной каплей вне строя. Он не бежал со всеми — он тащился позади. И это было хуже последнего места: последний всё ещё в строю, а Демьян — за ним.

Глеб обернулся. Усмехнулся. Не зло. Снисходительно. Как взрослый на ребёнка, который не умеет завязывать шнурки. Демьян разозлился. Не сильно — капля. Но достаточно.

И в этот момент он почувствовал. Не услышал, не увидел. Почувствовал. В теле Глеба, в его ногах, в его лёгких что-то сдвинулось. Щель. Замок, который был приоткрыт, раскрылся шире. Как дверь, которую толкнул сквозняк. Глеб споткнулся. Не упал. Но сбился. Потерял ритм. Замедлился. Обернулся: лицо непонимающее.

— Что ты сделал? — спросил он, тяжело дыша.

— Ничего.

— Врёшь. Мой Замок... открылся. Сам. Без Ключа.

Демьян молчал. Не потому что хотел скрыть — потому что не понимал. Он хотел, чтобы Глеб замедлился, и Замок Глеба открылся. Не потому что Демьян открыл его. А потому что Замок ответил на отсутствие Демьяна. На пустоту. Как дверь, которая открывается сквозняком. Демьян был сквозняком.

• • •

Завтрак. Столовая — длинная, каменная, с голубоватым потолком, гудящим, как все стены в Цитадели. Пахло — овсянкой. Обычной, серой, с изюмом. Демьян сел с подносом — каша, хлеб, чай — и смотрел.

Красные — шумные. Глеб в центре, громкий, уверенный. Рассказывал про спарринг со второкурсником как увернулся от удара, как контратаковал, как Замок силы «открылся на секунду, и я как летел, как птица, честно». Остальные красные — смеялись, хлопали, подкалывали. Марат — рядом, но не в центре.

Тихий Красный. Странно. Как рыжая веснушка на загорелом лице.

Синие — с тетрадами. Всегда. Демьян подумал: если у Синих Замок памяти — зачем тетради? Не запоминают? Или записывают, чтобы помнить, что не нужно запоминать? Одна из Синих — Полина, круглолицая, с очками, которые постоянно сползали на кончик носа — писала, не отрываясь от тетради, ела вслепую, вода ложкой мимо рта, иногда попадая. Глеб крикнул: «Полина, каша не в ухе!» — Полина подняла голову, поправила очки, посмотрела на Глеба с выражением, которое было одновременно усталым и презрительным, и вернулась к тетради.

Зелёные у окна. Молчаливые, расслабленные. Трогали стены. Не как все — прикладывали ладони и слушали. Камень под их ладонями — теплей? Демьян не знал. Но Зелёные улыбались, когда трогали стену. Как будто слышали музыку.

Или голос. Камень говорил с ними.

Белые — в центре. Ровные. Аккуратные. Они не ели — обедали. Не сидели — находились. Всё правильно. Демьян подумал: быть Белым — значит всегда знать, что делать. Или делать вид, что знаешь.

Чёрных было двое — Игнат и Сона. Угловые. Молчаливые. Не касались друг друга, но между ними — что-то. Не разговор, не жест. Тень. Демьян не видел, но чувствовал: нить, невидимая, плотная, как канат.

Лада села рядом. Подтолкнула тарелку — хлеб с маслом, одиноко.

— Ты опять не поел.

— Опоздал.

— Ты всегда опаздываешь. — Она отломала свой хлеб, дала половину. — Ешь.

Здесь кормят плохо, но если не есть будет хуже.

— Откуда ты знаешь, что не ел?

— Вижу. Тени. У тех, кто не ест, тени бледнее. У тебя бледнее всех. Даже у тебя, у которого нет тени. — Она прищурилась. — Это звучит глупо. У того, у кого нет тени, она не может быть бледнее. Но она есть. Она отсутствие тени. И отсутствие — бледнеет, когда ты голодный.

— Ты это видишь? — Я много чего вижу. Привыкай.

Демьян ел хлеб с маслом и смотрел на Ладу. Зелёные глаза, веснушки, рыжие ресницы — тонкие, как пух. Он впервые заметил — не потому что не видел раньше, а потому что сейчас, в голубоватом свете столовой, с овсянкой на языке и гулом Цитадели в костях было время заметить. Ресницы были рыжие. Как волосы. Только светлее. Как будто кто-то взял рыжий цвет, разбавил его белым — и получился бледно-рыжий, почти невидимый оттенок.

Он отвернулся. Не потому что не хотел смотреть. Потому что хотел. И это было странно. Месяц после бабушки — он не хотел ничего. Ничего. Серый мир, серые дни, серая овсянка. А тут — захотел. Заметить. Смотреть. Как первый свет после долгой темноты. Не яркий. Тёплый.

— Лада.

— М.

— Ты раньше здесь была?

— Нет. Юрий Андреевич нашёл меня неделю назад. В Перми. Я жила с матерью. Мать — обычная. Не Страж. Я полустраж. Сломанный Ключ. Мать не знала. Я не знала. Думала я странная. Вижу вещи, которых нет. Тени вокруг людей. Мне сказали «у тебя галлюцинации, пей таблетки». Пила. Не помогало. Тени не исчезали. — Она пожала плечами. — Потом Юрий Андреевич пришёл. Сказал «ты не больна, ты полустраж». Я поверила. Потому что он не смотрел на меня как на больную. Он смотрел как на инструмент. Что честнее.

— Инструмент.

— Мы оба — инструменты. Ты — отмычка. Я линза. Я вижу, но не делаю. Ты — делаешь, но не видишь. Вместе замок открывается. — Она откусила хлеб. — Пара.

— Пара, — повторил Демьян. Слово — простое. Но тяжелое. Как камень. Как ключ.

• • •

После завтрака — занятия. У первокурсников — общие: основы Замков, история слоёв, физическая подготовка. После обеда — Орденские: каждый шёл в своё крыло. Демьян и Лада — никуда. Их неопределённость означала, что после обеда они были свободны. Что звучало хорошо, пока Демьян не понял:

«свободны» значило «никому не нужны».

Лада уходила в библиотеку. Демьян — на берег озера. Сидел на камне, смотрел на звёзды под ногами и слушал тишину. Тишина в Цитадели была живая. Густая. Как вода, в которой нет рыбы, но есть течение. Демьян сидел и чувствовал: что-то движется под поверхностью. Не в озере — в мире. В слоях. Под камнем, под водой, под звёздами — что-то текло. Тлеет. Энергия

Замков. Демьян не знал этого слова — ещё нет. Но чувствовал. Как кровоток. Как движение. Мир — не стоял. Мир — двигался. Медленно, тяжело, как река в долине. И Демьян сидел на берегу и слушал.

Вспомнил бабушку. Бабушку — на кухне, утром, с кофе. Чашка с трещиной, заклеенной скотчем. Кофе — чёрный, густой, без сахара. Бабушка пила и смотрела в окно. На кирпичный завод. Демьян спрашивал: «Бабушка, чего смотришь?» Она отвечала: «Слушаю, Дёма. Тише будь. Мир говорит, если слушать».

Он думал — метафора. Поэтическая бабушка, читающая Бодлера, говорит про мир. Нет. Бабушка слушала. Буквально. Слышала — то, что Демьян не слышал. Тот гул. Тот пульс. Тот поток. Слышала — и молчала. Тридцать лет. Варила борщ, читала книги, носила синий платок. И слушала.

Демьян закрыл глаза. Прислушался. Гул был. Далёкий, на дне тишины. И пустое место. Отсутствие. Его Замок. Открытый. Пустой. Ждущий. Как пустая комната, в которую никто не входит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.